

бу, признав его сумасшедшим. Так потомок римских консулов стал первым из русских писателей, которого объявили сумасшедшим.

Хотелось бы добавить к сказанному, что на Сибирской кафедре митрополит Игнатий был последним представителем из числа архиереев «старорусской партии», вслед за тем назначаемы на нее были чуть ли не весь восемнадцатый век выходцы с Украины, подверженные изрядной доле влияния западных воззрений, с которыми в свое время боролся славный представитель рода Римских-Корсаковых, которым их римские корни не мешали стать людьми истинно русскими по вере и убеждениям.

Литература

1. Абрамов Н. И. Корсаков, митрополит сибирский // Странник. – 1862. – Вып. IV.
2. Богданов А. П. Автограф «Прений с греками о вере» Армения Суханова // Источниковедение отечественной истории. – М., 1989. – С. 175–205.
3. Богданов А. П. От летописания к исследованию. Игнатий Римский-Корсаков. Генеалогия / подгот. текста, ст. и аннот. указ. источников А. П. Богданова. – М., 1994.
4. Богданов А. П. Творческое наследие Игнатия Римского-Корсакова // Герменевтика древнерусской литературы. – М., 1993. – Вып. 6. – С. 165–248.
5. Памятники литературы и письменности крестьян Зауралья / сост. А. Т. Шашков, В. И. Байдин. – Свердловск, 1991. – Т. 1, вып. 1, 2.
6. Сулоцкий А. // Тобольские епархиальные ведомости. – 1884. – № 12. – С. 263–278; № 13. – С. 287–298.
7. Труды Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. – Л., 1985. – Т. 40.
8. Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...» // Очерки о русских историках второй половины XVII в. и их трудах. – М., 1988.
9. Шашков А. Т. Сибирский митрополит Игнатий и «дело» Иосифа Астомена // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. – Свердловск, 1991.
10. Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский / И. А. Шляпкин. – СПб., 1891.

ТОКТОМАТОВ О. К.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ФАНАТИЗМ»*

Фанатизм в настоящее время стал поистине, в связи с терроризмом, глобальной проблемой. Частое проявление фанатизма, которое можно наблюдать в современном мире, говорит об актуальности и необходимости изучения фанатизма как общественного явления. Феномен фанатизма сегодня изучен недостаточно

---

* Доклад подготовлен при поддержке гранта РГНФ (проект № 11-33-00111a2 «Междисциплинарное исследование социокультурных механизмов преемственности ценностей»).

полно, несмотря на неоднозначность его понимания. При теоретическом освоении данного феномена возникает сложность из-за его многообразия (политический фанатизм, религиозный фанатизм и т. д.). Существует множество определений фанатизма. Так, изучением данного социального феномена занимались психология, социология, политология и т. д. Но нас интересует философский анализ данного понятия, раскрытие его содержания. В данной работе мы попытаемся рассмотреть некоторые определения, представляемые учеными, которые занимались изучением проблемы фанатизма.

Для начала необходимо уяснить этимологическое значение понятия «фанатизм». Принято считать, что данный термин определяется историко-культурным контекстом и берет свое начало в Древнем Риме. В большинстве философских энциклопедических статьях авторы ведут его происхождение от латинского «*Fanum*», что означает «жертвенник», «храм». По мнению А. Н. Фойгеля, исследователя религиозного фанатизма, слово «фанатик» означает «посвященный» [7, с. 4], также происходящий от латинского слова «*Fanum*». До XVII в. значение слова «фанатизм» употреблялось только в религиозном контексте. В оборот термин «фанатизм» вошел в XVIII в. во время Великой французской революции, но вскоре был забыт. И лишь с конца XIX в., в связи с начавшимися в России террористическими актами, направленными против существующей власти, появляется своего рода мода на слово «фанатизм».

Жермен де Сталь, исследовавшая политический аспект феномена фанатизма, при анализе причин, истории развития и последствий Великой французской революции первой заострила внимание на психологической основе фанатизма [3]. По ее мнению, чистый фанатизм заставляет придерживаться крайностей во все идеях. Поэтому лучше всего воспринимать его не только с религиозной точки зрения, т. е. в одной плоскости, а в различных аспектах.

Н. А. Калюжная так определяет фанатизм: это «крайняя приверженность человека каким-либо верованиям или идеям, вызывающая неприятие иных убеждений, верований, обычаев и ценностей» [5, с. 79]. Из анализа приведенного понятия можно заключить следующее, что фанатизм – это радикальное отношение к каким-либо верованиям или идеям. По мнению Н. А. Бердяева [1, с. 91], радикализм есть национальная черта русского человека, откуда можно заключить, что все русские фанатики. Хотя радикализм и явился причиной многих бед, но он же может стать ис-

точником процветания Российского государства. По нашему мнению, фанатизм лучше всего определять через «ортодоксальность», которая проявляется в строгом следовании принципам идеи или вероисповедания, потому что «правильное следование» является залогом успеха в достижении поставленной цели. А вот неправильное понимание (формальное следование) или же незнание принципов может обернуться тем, что произойдет деформация сознания (фанатизм). В результате чего появится ненависть к представителям конкурирующих учений.

В работе «Этика нигилизма» С. Л. Франк рассуждает о фанатизме, затрагивая некоторые его аспекты, проявляющиеся в обществе, и дает свое определение данному явлению. По его мнению, под фанатизмом следует понимать «страстную преданность излюбленной идее, граничащую с *idée fixe* (лат. «навязчивая идея») и доводящую человека, с одной стороны – до самопожертвования и величайших подвигов, и с другой стороны, до уродливого искажения всей жизненной перспективы и нетерпимого истребления всего несогласного с заданной идеей» [2, с. 170]. Его определение считается одним из наиболее полных, так как рассматриваются не только эмоциональные и идеологические, но и позитивные и негативные аспекты фанатизма. Именно страстная преданность идее является залогом успеха для достижения заданной цели. Но если идея становится «навязчивой», то появляется своего рода неадекватность по отношению к другим личностям и искажается правильное восприятие других идей.

Исследователь фанатизма Т. Н. Санаева определяет фанатизм как «превратившуюся в страсть беспредельную преданность кого-либо какой-либо идее (и ее реализации)» [8, с. 29], а также как «беспредельную самоидентификацию и такое же беспредельное самоутверждение человека в одной какой-то идее человека и в ее конкретизациях, с подчинением и использованием всех остальных идей и их реализации всего лишь как средств» [8, с. 39]. На наш взгляд, данное определение является не совсем корректным, так как получается, что любой человек, стремящийся самореализоваться и упорно двигающийся в этом направлении, является фанатиком. Должно быть, приводя данное определение, автор хотел объяснить причину различных социальных изменений, происходящих в обществе, которые приводятся в движение фанатичным сознанием [8, с. 7]. Так, например, Отто фон Бисмарк говорил о том, что именно фанатики воплощают идею в жизнь. Но тогда получается, что все реформаторы, кото-

рые старались хоть как-то улучшить жизнь людей, и есть фанатики. Однако в целом же Т. Н. Санаева в термине «фанатизм», на наш взгляд, сосредоточила внимание только на позитивных моментах, не учитывая негативные последствия проявления социального фанатизма.

В статье «Героизм и подвижничество» Н. А. Булгаков явно отождествляет понятие «героизм» с «фанатизмом». По его мнению, героизм есть общественное явление со знаком минус, несмотря на то, что является предметом общественного восхищения. Максимализм есть неотъемлемая черта героизма, ибо герой вообще не мирится с малым. Максимализм имеет признаки идейной одержимости, самогипноза, он сковывает мысль и вырабатывает фанатизм, глухой к голосу жизни [2, с. 40]. Именно из-за героического максимума молодых людей, государство либо религиозные авторитеты начинают использовать их в качестве двигателей идеи. Фанатизму предшествует особое чувство избранности: «кто, если не я?». В дальнейшем происходит кратковременный процесс усвоения некоторых догматов религии или квазинаучной «программы» какой-либо партии [2, с. 40], что окончательно формирует тип фанатичной личности, готовой на все ради идеи. Неопытность, отсутствие разума и юношеский максимализм, по мнению Н. А. Булгакова, являются хорошей почвой для фанатизма.

Конечно же, при определении понятия «фанатизм» исследователи в первую очередь обращают внимание на религиозный фанатизм, что не удивительно, ведь именно в рамках религии на протяжении многих столетий воспроизводился такой феномен, как фанатичная вера. Поэтому понимание фанатизма невозможно без знания того, как вера влияет на формирование фанатичной установки сознания. В зависимости от того, насколько человек верит, можно утверждать, достигнет ли он своей цели или нет. Вера дает человеку цель в жизни, но «слепая вера», т. е. без знания, приводит лишь к катастрофическим последствиям, особенно для него самого. В. В. Ким, изучающая влияние веры на сознание человека, определяет фанатизм как психосоциальный феномен, основанный на существовании в сознании человека особой веры, направленной на определенный объект [6, с. 29]. Веру рассматривают как причину фанатизма и элемент фанатичного типа сознания. Фанатизм же часто определяют как иступленную, иррациональную веру, называют особой разновидностью веры [4, с. 47].

Итак, одни видят в феномене фанатизма лишь негативные черты (Н. А. Калюжная, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев), другие вообще считает его вполне нормальным и социально полезным явлением (Т. Н. Санаева). На наш взгляд, фанатизм по сути своей содержит в себе как негативные, так и позитивные черты, что обуславливает необходимость рассмотреть данное явление многоаспектно. Многогранность феномена требует целостного осмысления.

Слепо верящие люди склонны поддаваться под влияние человека, превосходящего их интеллектуально. Само признание авторитета не является проявлением интеллектуальной или физической слабости, а, наоборот, есть показатель внутренней культуры личности. Но бывает так, что человек начинает слепо следовать указаниям авторитета, не подвергая аргументации логики. Человека овладевают чувства, а не рассудок. Все это говорит лишь о том, что человек находится в страсти. Страсть слепа и безумна, она не видит и не рассуждает [9, с. 336]. Проявление страсти указывает, скорее всего, на то, что личность преследует корыстные цели, либо личность хочет совершить усилие сверх своих сил, что-то сдвинуть, отдав при этом самое дорогое – свою жизнь. Чаще всего проявление страсти можно увидеть среди начинающих последователей той или иной идеи. Узость мышления, не позволяющая расширить сознание, изменить самое мировоззрение, служит своего рода основой для проявления ненависти у фанатичной личности по отношению к инакомыслящим людям. Человек с искаженным фанатизмом сознанием начинает проявлять нетерпимость к представителям другого верования или идеи. По нашему мнению, фанатизм есть превратившаяся в страсть беспредельная преданность какой-либо идее, приводящая к ненависти в отношении конкурирующих идей.

Литература

1. Бердяев Н. А. О фанатизме, ортодоксии и истине [Электронный ресурс]. – URL: <http://yro.narod.ru/bibliotheca/Berdiaev.htm> (дата обращения 24.01.2011).
2. Вехи : сб. ст. о русской интеллигенции / Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. С. Изгоев, Б. А. Кистяковский, П. Б. Струве, С. Л. Франк. – 4-е изд. – М., 1909.
3. Вольперт Л. И. «...Бесмысленный и беспощадный» (Пушкин и Жермен де Сталь о фанатизме) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruthenia.ru/volpert/articles/stal5txt.htm> (дата обращения 4.02.2011).
4. Евстифеева Е. А. Проблемы веры и традиции: пределы социального планирования / Е. А. Евстифеева, В. Г. Иванов. – Тверь : Изд-во ТГТУ, 1994. – 102 с.
5. Калюжная Н. А. Фанатизм: личностные и групповые черты // Филос. науки. – 2007. – № 9. – С. 66–81.

6. Ким В. В. Некоторые аспекты формирования фанатизма на примере религий // Междунар. сб. науч. тр. Вып. 10. – Волгоград, 2006. – С. 29–35.
7. Санаева Т. Н. Социальный фанатизм / Т. Н. Санаева. – Н. Новгород : Гладкова, 2001. – 100 с.
8. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4 / В. Даль. – М., 1882.
9. Фойгель А. М. Социальная природа религиозного фанатизма : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / А. М. Фойгель. – Л., 1973. – 279 с.

ТРОФИМОВ А. В.

О СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ИСТОРИКО-МИФОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Если попытаться применить к России начала XXI в. известное высказывание о том, что «скопище людей нацией делают две вещи – общее великое прошлое и общие великие планы на будущее», то становится очевидным весьма существенный дефицит и первой и второй «вещи».

В представлениях о нашем общем прошлом – истории России – за последние два десятилетия произошли существенные трансформации. Такие факторы, как освобождение отечественной исторической науки от сильного идеологического пресса, «архивная революция» конца 1980-х – начала 1990-х гг., методологический и концептуальный плюрализм способствовали появлению новых научных направлений и школ, публикации огромного массива трудов по истории России.

В то же время произошло расщепление единого культурного пространства, возник интенсивный «информационный шум», который способствовал размыванию или потере отчетливых и ясных ориентиров, формирующих общественное историческое сознание наших современников, особенно новых поколений.

Наконец, традиционно признаваемая самими историками и ожидаемая (или декларируемая) властью и обществом от исторической науки роль «учительницы жизни» была в значительной мере замещена функцией «подносчика снарядов», в виде предоставления тенденциозного набора фактов и аргументов для ведения политической борьбы или ее имитации в электоральных циклах и клановых «разборках» внутри политического класса.

В общественном сознании любой эпохи складываются определенные системы самоидентификации, удерживаются важные знаковые элементы, «коды», ясные, логически обоснованные конструкции, создающие, в конечном счете, обыденные представле-